

Муниципальный этап олимпиады по литературе

9 класс

1.Выполните целостный анализ ОДНОГО из предложенных текстов (прозаического или лирического), учитывая следующие аспекты: доказательные рассуждения с опорой на текст, наличие комментариев и оценок, выявление авторской позиции и способов её выражения, детальность аргументации, объяснение смысла названия, корректное использование литературоведческих понятий, логичность, связность, отсутствие грамматических и речевых ошибок, грамотность, использование фонового материала из области культуры и литературы.

Направления для анализа: смысл названия произведения, нравственно-философские проблемы рассказа, решение вопросов милосердия и толерантности, выявление авторского «Я», назначение диалогов, роль языковых, художественных средств в выявлении основной идеи текста.

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Юлия Комарова «Дерево игры»

Небо смотрит на меня исподлобья — проглядывает красным испитым глазом солнца сквозь низкую тёмно-синюю тучу. Считается, что закат везде хорош, на море особенно. Краски сгущаются, как будто завершение дня должно поставить жирную точку, вынести окончательный приговор. И каков он был, мой день?

Платон не пришёл. Обещал встретить меня на станции и не встретил. Я предвкушала, как это будет. Глупо воображать, придумывать и домысливать. У меня никогда не получалось. Всегда в жизни всё по-другому. Это вам не шахматы.

Я специально приехала, чтобы с ним встретиться на Финском заливе. И вот — закат, солнце, небо. Серая стылая вода. Море и правда свинцовое. Небо мрачное, и никакого желания окунуться или тем более проплыть. А я стою на берегу, как в детстве, той серой холодной зимой, когда папа ушёл и море впервые на моей памяти замёрзло у берега. Ничего у меня не вышло. Никогда ничего не выходит.

Наш с Платоном едва зародившийся особенный собственный мир оказался таким же недолговечным, как шахматная партия: фигуры сметены с доски, уложены в коробку. Он не пришёл. Солнце село где-то глубоко внутри тучи. Небо с морем слились в один мрачный, одинаково скучный цвет...

Но нет! Тучи раздвинулись. Неожданное солнце выплеснуло самый последний тёплый и ласковый луч прямо на вытянутую фигуру Платона, бегущего на фоне аристократических розовых стройных сосен по розовому же песку. Он машет мне и что-то кричит.

Классная картинка. Я на автомате достаю камеру: надо это снять, очень красиво. Такой обалденный свет! Тут бы другой объектив, да ладно. Так, поймала изображение. Картинка скачет и плывёт. Да что такое? Руки дрожат... Ну всё, хватит. И я просто опускаюсь на этот чужой холодный песок.

Когда я впервые его увидела, Платон сидел спиной к окну — в сумерках лица было не разглядеть. Зато я услышала его голос, низкий, мягкий, спокойный. Я даже не поняла слов, просто внутри стало тепло и вязко. Я села и весь вечер слушала. Я могла бы и всю ночь, но он ушёл. А я не взяла телефон, дурочка. И что было делать?

Я пошла в Русский музей. Папа говорил: «В любой непонятной ситуации надо просто посмотреть на что-то красивое, и станет легче». Я всегда зависаю у Куинджи: вот как он умудрился так нарисовать эту лунную ночь, что тебя затягивает, поглощает пространство, гипнотизирует луна? Почти такой же эффект в фильме «Меланхолия», когда героиня там ночью загорает. Я бы хотела так нарисовать — в детстве мечтала стать художником. А стала фотографом.

Там мы с Платоном и встретились. Стояли рядом какое-то время, а потом увидели друг друга и рассмеялись. Обрадовались. Сразу показалось, что мы знакомы сто лет — всю жизнь. Он был очень высокий и светлый, прямая противоположность папе, невысокому, чернокудрому и бородатому. Папа был похож на итальянского актёра или певца. Платон в своих смешных очках, с нечёсанными включенными волосами — на безумного учёного. И он не любил шахмат. Это было первое, что я у него спросила, когда мы вышли из музея. Платон закурил очередную сигарету и удивлённо посмотрел на меня, щурясь от дыма.

— Знаешь, я не играю, как-то не в кайф. В детстве ещё ничего. Лет в тринадцать клёво было. Помню, играл, мог заглянуть на несколько ходов вперёд. А потом садишься за доску, а у них — дебют, гамбит. Ну не знаю — какой смысл всё время разыгрывать одни и те же партии? Выигрывает тот, кто вызубрил больше вариантов.

— Ну нет, ты не понимаешь! Шахматы — это психология. И даже с элементами манипуляции. Не смейся. Я серьёзно. Это такое мощное лобовое столкновение двух личностей! Нужно видеть противника насквозь, прочитать его мысли, угадать его ход. И не переоценить противника, хотя плохо и недооценить. И главное — ты должен быть уверен в себе, ты должен верить, что найдёшь верное решение. А для этого надо прочувствовать соперника, залезть ему в голову! И только после этого можно делать свой ход. Например, я зашла на детский мат, ты понял мой замысел и защитился; а если я отвлекла тебя

гамбитом и перешла к детскому мату не третьим, а седьмым ходом? То есть, запомнив мой манёвр как детский мат, ты не допустишь мысли о нём даже после десятого хода. А после двадцать пятого? Это не зубрёжка, это чтение игры! — Я разволновалась и говорила много, и понимала, что он не ожидал такого разговора.

— Ого! — выдохнул он дым. — Так ты профи?

— Ну, как сказать. Скорее нет. Сейчас мало играю. Я ещё в детстве стала перворазрядницей. Подтвердила разряд в борьбе со взрослыми шахматистами. При этом редкий дебютный вариант я знала хотя бы на семь-восемь ходов. Хотя я иногда сейчас встречаю игроков, которые знают дебютных вариантов намного больше, чем я, но играют слабее. Значит, дело в чём-то другом, а не в простой зубрёжке.

Платон молча затянулся и задержал дыхание. А я зачем-то добавила:

— Играть можно в любом возрасте, но понять шахматы — это совершенно другое. Даже поражение может тогда принести радость. Главное — почувствовать игру, войти внутрь. Он внимательно смотрел на меня, выпуская дым в сторону, и ничего не говорил. Но меня уже понесло:

— Я тут поняла одну вещь. Про дерево игры. Хочешь, расскажу? Суть вот в чём. Знаешь ведь Роберта Фишера? Мой кумир. Он практически до чемпионства признавал только открытые дебюты, то есть то, что впитал с детства. И дерево, выращенное с поля «е-четыре», он знал в совершенстве, он мог любого запросто затянуть на сухую ветку и опустить на землю. Что такое дерево игры? Это последовательность ходов, в которой ты знаешь все входы и выходы, все сухие и живые ветви партии. Сильный шахматист может вырастить достаточно деревьев. Какие-то ветви игры ты можешь изучить лучше и оживить или засушить их. Я не чемпион и не гроссмейстер, но своё шахматное дерево вырастила и вот уже много лет поддерживаю его. Это дебютная система, позволяющая переигрывать даже самые сильные шахматные программы. Чтобы вырастить такое дерево, нужно долго вести игру в одном направлении, запоминая все живые и мёртвые ответвления.

Я смотрю на Платона снизу вверх и пытаюсь понять, как он воспринял то, что я сказала. Платон затягивается глубже и выпускает дым смешным хоббитским колечком.

— А не хочешь ли прогуляться на крышу? Я покажу тебе трушный Питер.

Родители развелись, когда мне было одиннадцать. Я ничего не подозревала. То ли они не позволяли себе выяснения отношений при ребёнке, то ли долгих разборок не было. А может, я поставила на картинку фильтр и не замечала очевидного. Но папа ушёл, а мама сказала, что он плохой. Я её не слушала. «Потому что я его люблю!»

Однажды он пришёл к нам домой, когда никого не было, и забрал все драгоценности, а с ними и свой подарок мне на десятилетие: волшебную шкатулку из Индии. Там на

красном бархате в лунках лежали камни: сапфир, аметист, гранат, берилл, лунный камень — один обработанный, другой необработанный, такой весь в чешуе, как рыба. Я любила перебирать их, называть вслух имена, смотреть на просвет — на то красивое, что запрятано внутри.

Мама сказала: «Вот видишь, Дина!» И я поняла, что теперь ничего не будет: ни поездок в горы, ни ночного моря, ни мидий на костре, ни папиных весёлых друзей, ни музыки. На ночь он ставил мне пластинки с классикой, считал, что это единственное разумное средство от моей бессонницы. Проигрыватель он тоже забрал.

Но коробку с шахматами папа мне оставил. Я всё просила его научить меня играть, следила внимательно, как он переставлял фигуры, когда играл с друзьями. Он играл чёрными и всегда выигрывал. Однажды, лет в пять, я взяла белую фигуру коня и раскрасила её маминым красным лаком: типа конь погиб. Папа смеялся и стирал «кровь» растворителем: «Сейчас мы устроим купание красного коня!» А потом я долго рассматривала ту самую картину в альбоме. Этих альбомов у нас была целая полка. Вот тогда я захотела стать художницей.

А на самом верху стеллажа лежали журналы «Плейбой» — на самой высокой полке, чтобы я не дотянулась. Поэтому приходилось звать соседа Серёжку, он был длинный для наших семи лет. Мы рассматривали всё это с искренним удивлением. Конечно, я видела голых мужчин и женщин в музеях, в альбомах с репродукциями картин, но там пропорции и позы были совсем другие. Мы даже сравнивали специально, и Серый сказал, что лучше быть художником, чем фотографом. Я была с ним абсолютно согласна. А потом ему запретили со мной играть. Больше друзей у меня не было.

Всё детство я училась играть в шахматы — сама. Сначала я просто расставляла фигуры и вела пространные диалоги, перемещаясь по клеткам как попало. А потом поняла, что фигуры двигаются не случайно, что в этом-то и заключается смысл. Нельзя ходить конём, если ты ферзь. Это открытие было сродни открытию нового идеального мира, в котором всё точно расписано, предусмотрено, стабильно. Не то что у нас. Мне хотелось удивить папу — сыграть с ним, пусть даже он выиграет, пусть. Главное — чтоб он увидел, что я умею. Но он всегда отмахивался: некогда. Не хотел тратить попусту время.

Зато, когда он играл с друзьями, я стояла и смотрела.

Я не знала, что такое атака пешечного меньшинства, и довольно слабо знала варианты защиты Каро-Канн. Но уже помнила все основные тактические приёмы, умела находить в партиях два-три ходовых удара, понимала важность открытых линий, форпостов и других позиционных элементов. Может, в этом ключ? Может быть, стоит папе узнать, что я понимаю игру, и он посмотрит на меня внимательно и серьёзно, как он смотрит на своих

друзей? Не будет смеяться, а взъерошит свои густые волосы и будет долго-долго думать над ходом.

Когда родители развелись, я заболела. Так и прошёл весь этот дурацкий пубертат — меня всё время лечили непонятно от чего. Коробка с шахматами всегда лежала рядом с моей кроватью. Шахматы всерьёз занимали воображение — стали единственной игрушкой. Мне казалось, что это приближает меня к мечте, к цели, к чему-то реально стоящему. Я следила за чемпионатами мира, искала разыгранные партии. И только шахматы были мне интересны.

Однажды именно Каро-Канн я избрала, играя чёрными. Предыдущую партию я провела неудачно и решила идти от обороны. Заранее готовилась, знала, что будет сильный соперник, а проигрывать нельзя. Когда мы сделали ходов по пятнадцать, создалась позиция, про которую в учебнике пишут: «И тут соперники согласились на ничью». Мой юный противник не совершил ни одного промаха, это была моя ошибка — избрание тихого дебюта. Меня прямо колотило внутри, я даже вспотела. Что-то нужно было делать! И я придумала. Начала демонстрировать атаку с прорывом на левом фланге, но замысел был — прорыв на правом! Конечно, противник стягивал все силы на левый фланг для обороны. Но я-то просчитывала количество ходов для переброски фигур на другой фланг. И когда всё завертелось после жертвы пешки, мои фигуры за несколько темпов оказались на месте, а соперник запутался в своих, и игра очень быстро закончилась моей победой. В этот день я поняла, в чём была моя ошибка — тихо сидеть и ждать всё детство папу. Неправильный дебют.

Я нашла его телефон и позвонила.

— О, доча! Привет, не узнал тебя. Богатой будешь! Нет, встретиться никак. Выходные — святое время, у меня семья, сама понимаешь, а по будням я работаю. Вечерами? И вечерами занят. Я нарасхват! — И он весело рассмеялся.

Он всегда был весёлый. И когда жил с нами, он и правда вечерами редко бывал дома. Хотя и выходные не были тогда для него святыми. Он всем был нужен. И больше всего тогда он был нужен мне.

Время шло, мальчишки в классе и во дворе доросли до человеческих отношений, а там и школа закончилась, значит, пора бы уже встречаться, гулять допоздна, целоваться, терять голову. Но моя голова всегда была на месте. В самые сложные моменты мне представлялся папа. Он улыбался, держа меня за ноги вниз головой, и отпускал с пирса в воду — учил меня прыгать ласточкой. Я летела прямо на острые камни на дне. Вода была такой прозрачной, что они казались совсем близко. Я была уверена, что разобьюсь и умру.

Я закрывала глаза и плакала прямо в воде. Но слёз не было видно. Море само — одна большая слеза.

В Ялту мы ехали на троллейбусе из Симферополя. Неспешно и вдумчиво. Решили насладиться пейзажем и погреть сознание тем, что мы не засоряем хрустального воздуха южного побережья отходами топлива. Очень смешно, учитывая, сколько машин нас обгоняло на трассе.

В салоне троллейбуса девчушка с мамой, женщина средних лет и мы с Платоном. Солирует малышка. Через минуту мы уже знаем имена всех её кукол. Я так поняла, что плюшевый медведь без одного уха — папа всех её маленьких пони, а мама — длинноногая Барби. Любовь зла. Про себя я окрестила медведя Пьером и с интересом наблюдаю за развитием событий в этом аристократическом семействе.

Мы с Платоном переглядываемся, соприкасаясь друг с другом на поворотах. Почти не разговариваем, только смотрим и улыбаемся. Женщина упорно нас изучает, у неё прямо на лбу написано, что она гадает: то ли все слова нами друг другу сказаны, то ли, наоборот, мы на той начальной стадии знакомства, когда каждый знает о своих чувствах, но не совсем уверен в другом. Я решаю держать интригу. Пусть помучается.

Жду, когда за окнами вспыхнет море. И вот оно возникло — огромное, блестящее на полуденном солнце пятно. Мы спускаемся к нему, мы его жаждем. Кажется, будто это расплавленное золото. Войти в него, как в пещеру Али-Бабы, и обрести счастье. Сезам, откройся!

Девчушка поёт, укладывая Пьера рядом с Барби: «Потому что, потому что я-а-а его-о-о люблю-у-у!»

Солнце слепит глаза даже сквозь тёмные стёкла очков. Но я хорошо вижу красную машину, которая несётся нам навстречу на всей скорости из-за поворота. Я даже успеваю издать какой-то дикий визг на самой высокой ноте. Не знала, что я на такое способна. А Платон быстро поворачивается ко мне и обнимает меня всю собой, охватывает руками, неожиданно длинными, как крылья огромной птицы, — заслоняет от красной машины, от удара, от моего визга. Я опять на миг вижу своего улыбающегося папу, но Платон не даёт ему отпустить мои ноги — он держит меня всю. Он сможет удержать. Я верю. Я знаю. И водитель выруливает!

С тех пор вся моя жизнь стала состоять из пунктиров и просветов — встреч и расставаний. Где только мы не встречались! И каждый раз всё было совершенно не так, как я себе придумывала и воображала. Платон был непредсказуем. Мы ходили в горы, и он вырезал из сухих веток фигурки и читал мне стихи своего друга, безвестного гения. Мы

собирали землянику в дремучем тёмном лесу, который начинался прямо за околицей деревни. Он учил меня есть её с парным молоком — корову держала его тётя, и она достойна отдельного рассказа. Мы ехали на море, и он два часа рвал мидии, а потом сжёг напрочь весь свой улов, хотя уверял, что умеет их жарить на костре.

Зимой он посадил меня на спину и по колено в снегу совершил переход через заснеженное поле замёрзшего водохранилища, чтобы на том берегу разжечь костёр с одной спички. Снег оплавлялся неровным кругом и шипел, а он снял очки, чтобы протереть стёкла, и взгляд его сделался непривычно трогательным, почти детским.

— А не хочешь ли ты вырастить со мной самое могучее в мире Дерево игры? У нас не будет мёртвых веток — только живые! Отвечаю. И никакой зубрёжки!

В свадебное путешествие мы поехали к нему в МГУ, жили в Главном здании, днём гуляли по Москве и всё время попадали под ливень — каждый раз думали, что уж сегодня его не будет, а он был. Но зонт так и не купили. А ночью ходили в лабораторию, там Платон вёл какой-то непрерывный круглосуточный эксперимент для диссертации, сыпал непонятными формулами, спорил с коллегами. Когда я засыпала на его плече, шум ночных машин казался рокотом далёкого моря. Его голос убаюкивал. Он рассказывал мне сказки, которые я пыталась утром записывать, но не могла — они улетучивались с рассветом, как любые тревоги ночи.

Однажды я встретила папу на улице — случайно. Живём в одном городе, а никогда не виделись — ни разу за десять лет. Я уже окончила университет и была беременна нашей первой с Платоном дочкой. Папа сказал:

— Можешь поздравить! У меня родился сын! Я стал папой! — и улыбнулся одной из своих самых щедрых улыбок.

Я безмятежно улыбнулась ему в ответ:

— У тебя есть шанс стать ещё и настоящим дедом!

Папа впервые в жизни посмотрел на меня внимательно и заинтересованно:

— Ты беременна? Ты замужем? Когда?

Через пять лет папин сын и моя дочь сидели за старыми папиными шахматами у нас дома. Дочка выигрывала.

И. И. Козлов «Два челнока»

Направления для анализа: философская направленность стихотворения, смысл названия, роль аллегорий, символика образов, цветописи, традиция и новаторство поэта, композиция, связь ритмической и звуковой организации с содержанием текста.

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Течет прозрачная река,
Шумит, блестит меж берегами.
По той реке два челнока
Несутся быстрыми волнами;
Различен вид двух челноков,
Различна песня двух пловцов.
Одни челнок был весь в цветах,
И белый парус тихо веял,
Мелькал на светлых он волнах,
И ветерок его лелеял;
Собой любуюсь, он летит, —
Младая прелесть в нем сидит.
Другой челнок едва нырял,
Свершая тяжко бег упорный;
С трудом он волны рассекал,
На нем вздымался парус черный;
И гибель вокруг него шумит, —
Страдалец бледный в нем сидит.
Смеясь, прекрасная поет:
«Как мне отрадно плыть рекою!..
На берегах весна цветет,
Душистый воздух надо мною,
И солнце страх мой гонит прочь,
А месяц светит в темну ночь.
И мне легко на свете жить!..
Сбылись мечты мои молодые,
И сладко с милым мне делить
Все чувства, сердцу дорогие!

И с каждым днем счастливей я,
И пламенной любовь моя!
Цвету душой!..., но вдалеке
Одно меня тревожит горе:
Есть бездна мрачная в реке,
Там, где она впадает в море!..
И как мне жизнью ни играть, —
Но бездны той не миновать!..»
И слышен был страдальца стон:
«Как мне ужасно плыть рекою!..
На берегах со всех сторон
Угрюмый бор передо мною,
И солнце в тучах тмится днем,
А ночью мша и страх кругом.
И тяжело мне на свете жить,
Где облилось сердце кровью,
Где, бедный, я, стремясь любить,
Обманут дружбой и любовью,
Где навсегда убит (Грозой
Моих надежд любимых рой.
И предан я навлек тоске!..
Лишь мне одно отрадно в горе:
Есть бездна мрачная в реке,
Там, где она впадает в море!..
Не страшно мне о там мечтать,
Что бездны нам не миновать!..
И челноки в далекий край
Реки стремленье направляет, —
И вдруг, как будто невзначай,
Их бездна мрачная встречает;
Шумит, ревет, кипит река...
Пропали оба челнока.
И свет давно забыл пловцов;
Но весть надеждой озарила,
Что бездна робких челноков

Во тме своей не погубила
И что таинственным путем
Они в том море голубом,
Где нас уж буря не страшит,
Где негу льет эфир душистый
И свод безоблачный шарит
Сияньем радуги огнистой;
Где всё блестит в красе молодой,
Всё дышит радостью святой.
И та, чью жизнь лелеял свет,
Счастливей думою сердечной,
Что там уже разлуки нет,
Что жар любви пылает вечно,
Что бережет надежный ток
Ее пленительный челнок.
И, сбросив мрак тоски своей,
Узнал страдалец жизни сладость;
Он памятью печальных дней
Теснее обнимает радость;
Цветет, отрадою дыша,
Его бессмертная душа.

2. Творческие задания

«Я режиссёр». Представьте следующую ситуацию: Вам необходимо снять короткометражный документальный фильм по стихотворению Е. А. Евтушенко «Проклятье века». Напишите и проанализируйте свои режиссёрские рекомендации (видение переднего и заднего планов кадров, их цветопись, образность, звуковое (акустическое) оформление фильма, видеоряды, тексты, предназначенные для «голоса за кадром»). Обоснуйте свои рекомендации, опираясь на лейтмотивную структуру текста, его идейную направленность, поэтику.

Проклятье века

Проклятье века — это спешка,
и человек, стирая пот,
по жизни мечется, как пешка,
попав затравленно в цейтнот.

Поспешно пьют, поспешно любят,
и опускается душа.

Поспешно бьют, поспешно губят,
а после каются, спеша.

Но ты хотя б однажды в мире,
когда он спит или кипит,
остановись, как лошадь в мыле,
почуяв пропасть у копыт.

Остановись на полдороге,
доверься небу, как судье,
подумай — если не о боге —
хотя бы просто о себе.

Под шелест листьев обветшалых,
под паровозный хриплый крик
пойми: забегавшийся — жалок,
остановившийся — велик.

Пыль суеты сует сменяя,
ты вспомни вечность наконец,
и нерешительность святая
вольется в ноги, как свинец.

Есть в нерешительности сила,
когда по ложному пути
вперед на ложные светила
ты не решаешься идти.

Топча, как листья, чьи-то лица,
остановись! Ты слеп, как Вий.

И самый шанс остановиться
безумством спешки не убий.

Когда шагаешь к цели бойко,
как по ступеням, по телам,
остановись, забывший бога, —
ты по себе шагаешь сам!

Когда тебя толкает злоба
к забвению собственной души,
к бесчестью выстрела и слова,
не поспеши, не соверши!

Остановись, идя вслепую,
о население Земли!

Замри, летя из кольца, пуля,
и бомба в воздухе, замри!

О человек, чье имя свято,
подняв глаза с молитвой ввысь,
среди распада и разврата
остановись, остановись!